

Михаил ГАРУС:

«Не быть множительным аппаратом»

Свыше 25 лет занимается творческой фотографией. Участник более 40 выставочных проектов. Известен своими предметными композициями, подводными съемками, аудиовизуальными слайд-шоу, а также изображениями моды и обнаженной натуры.

© Фото: Вадим Качан

Имя Михаила Гаруса известно любителям фотографического искусства не только в нашей стране. Но сейчас познакомиться с его работами можно только на персональном сайте garus.com. Думаю, это драматичная история – о фотографах, которые в силу ряда причин снимают все реже и практически не выставляют свои работы. Возможно, мы к ней еще вернемся, ведь в мировой практике таких случаев немало. Так или иначе, с Михаилом Гарусом мы беседуем о назначении творчества в фотографии.

– Вы не раз писали, что почти или вообще уже не фотографируете. И я знаю ваш ответ на вопрос, почему: «Я сделал все, что хотел, и не хочу повторяться». Давайте чуть-чуть продвинемся с этим ответом.

– Да, я не хочу повторяться. Если вы заметили, я «слишком глубоко» задумываюсь.

Но оказалось, что это иллюзия, жестокая иллюзия.

Хотя я еще долго по инерции продолжал поиски, повторял те же идеи, но на другом материале. И не понимал, почему не могу сделать ничего существенного. Потом это перестало быть интересным.

– Есть сферы, где вы чувствуете себя наивным человеком?

– Практически во всем. Меня можно обмануть так же, как любого другого человека, и мои представления об обществе наивны: я думаю о нем лучше, чем оно есть. Думаю, что каждый человек наивен, но не всегда догадывается об этом.

– Вы нечасто бываете на фотографических выставках, а когда приходите, всегда отличаете культурное событие от обычной акции в сфере искусства?

– Уже забыл, когда в последний раз такую видел. Классическое изобразительное искусство более привычно в этом качестве.

© М. Гарус. Из серии «Невидимое», 1996

О взаимоотношениях человека с миром вокруг нас, о вещах, удаленных от нашего светного мира, вплоть до отношений человека с тем, что принципиально непостижимо для разума.

Другие же темы, например, человеческие отношения, можно прорабатывать бесконечно, но изображать их мне не интересно. Они слишком сиюминутны и малозначительны. Поверьте, это не поза, не игра. Для меня действительно важно, и я хотел понять, увидеть что-то за пределами физического мира. Для этого я и стал заниматься фотографией, ушел от чисто технических вопросов.

Вот если бы фотография была для меня средством заработка, тогда о творческой стороне этого занятия можно было бы особенно не думать: деньги, конечно, нужны для существования, а к фотографированию можно было относиться, как к каждодневной рутине.

Но я сразу отказался от такого пути – фототворчество слишком много для меня значило, чтобы превращать самое важное в жизни занятие в обычную работу.

А увидеть что-то за границами явного мира очень хочется. И если бы вдруг я смог, то продолжал бы снимать.

© М. Гарус. Из серии «Невидимое», 1996

Вспоминаются, например, выставки Олега Яровенко, сделанные в необычной обстановке. В конце 1980-х я сам устраивал нестандартные слайд-шоу на 16 экранах. Идея была, на первый взгляд, чисто технической: показать слайды в небольшом зале, но много слайдов и большому числу зрителей. Результат оказался неожиданным. Думаю, по зрелищности слайд-шоу можно было сравнить с эффектом при показе первых кинофильмов. И я надеюсь, что у зрителей были основания поразмышлять, что-то додумать самим. Такая фотография мне ближе всего.

К сожалению, в большинстве случаев авторы стремятся только произвести впечатление, а зрителю не остается ничего, кроме как восхититься очередным рассветом или закатом. Дальше идти некуда, потому что ничего большего автор изначально в работу не вкладывал. Может быть, такая фотография и имеет право на жизнь, но надо понимать, что это не искусство, а просто другая сфера деятельности.

– А если вам не нравятся фотографии, вы говорите об этом автору или предпочитаете промолчать?

© М. Гарус. Из серии «Невидимое», 1996

– Стараюсь молчать, полагаю, это тактично и вообще правильно. Если не спрашивают советов, было бы бестактно раздавать их. Тем более, обсуждать выставки, сделанные для того, чтобы обратить на себя внимание, не в моих правилах.

– Мы все обращаем на себя внимание, когда что-либо делаем.

– Нет, я не люблю, когда люди делают что-то с единственной целью произвести впечатление, но преподносят это как свободное творчество. Я умею это чувствовать.

Мне близко, когда фотограф пытается говорить о чем-то сокровенном, важном, и только потом рискует показать это зрителю. А плохо, когда «за уши притянуто», когда не ставится творческой сверхзадачи или она неглубока. Мне не нравятся искусственные, вымученные фотоколлажи. Не нравятся работы, близкие графическому дизайну, а не фотоискусству.

И я не понимаю, зачем фотографии печатают в большом формате, если только эти громадины нужны не для фасадов зданий. Утверждают, что так их лучше видно. Да, я наблюдал, что на выставках люди в основном смотрят на работу приблизительно с полутора метров. И фотография 2х3 метра гарантированно привлечет внимание. Но это наивная попытка приспособиться к невнимательному зрителю. На самом деле он точно так же безразличен к большому формату, как и к обычному.

– А это идет из масскульта, из рекламы.

– Согласен. Но зачем это делать на творческих выставках?

Честно говоря, я не помню выставок, которые бы меня сильно впечатлили. Такова нынешняя культурная жизнь, и тут ничего не

изменить. Невозможно объяснить фотографу, что он напоминает мне множительный аппарат, а это неправильно, и надо бы уже по-настоящему заняться фотографией. Мы ведь не вечны, и нужно успеть сделать свою главную работу. Пусть одну, но ее вспомнят и через 100 лет. Чаще всего такие мысли не находят понимания. У некоторых наших фотографов выставки следуют одна за другой, и что же, «я не художник»?!

– **То есть люди мыслят числами, измеряют количества?**

– Похоже, что так.

– **Как вы разделяете термины: фотограф, фотохудожник, художник? О себе вы пишете: «надеюсь, что имею право причислить себя к увлечшимся любителям».**

– В слове «фотограф» нет ничего уникального. Я бы сказал, что фотохудожник – это творчески работающий фотограф. Но не всем это нравится. Потому что фотографических занятий очень много. Это в том числе техническая и документальная съемка, социальная фотография – ее можно делать, не сильно напрягаясь творчески. Есть отработанные схемы, и от них даже противопоставлено отклоняться. Но, как ни парадоксально, известность приобрели те профессионалы, которые рискнули уйти от стереотипов.

– **Думаю, к вашему мнению все же прислушиваются. А у вас были авторитеты, когда вы начинали?**

– Конечно. Например, Йозеф Судек.

В некоторых моих работах находят его влияние, но, думаю, сходство только в технике.

Можно назвать Альфреда Стиглицца, Анзела Адамса, кое-что из Ричарда Аведон (а вообще имен десятки, в том числе и белорусских авторов). Все они не ловили кайф от пресловутого пойманного мгновения, а стремились постичь нечто более важное, вечное. Это великие фотографы.

– **Наверное, сопоставлять нужно соизмеримые вещи, и по законам жанра. Мы же не сравниваем оперу с балетом, хотя то и другое – музыкальный театр.**

– Вот поэтому я и перестал ходить на выставки: мне неинтересна «дизайнерская» фотография – это другая область творчества.

Все можно сказать фотографическим языком, он сам по себе предоставляет автору неограниченные возможности. Непонятно, зачем разрушать фотоизображение? Возможно, вы и получите эффект, но это уже не будет фотографией.

– **У вас есть выражение «прямоугольник жизни». Это границы кадра, пределы снимка. А что такое «фотографическое зрение»? Это особое качество зрения, которое позволяет их видеть?**

– Чтобы дойти до этих прямоугольников, чтобы появилось желание их вычерчивать, нужна многолетняя фотографическая практика. Тогда возникает умение очень быстро выделить

из жизни то, что видится достойным сохранения. Это и есть фотографическое зрение.

– Для вас важно, что иногда показывают новую фотографию, а видно, что так уже снимали 10 лет назад?

– На самом деле все равно каждый делает по-своему. Снимки всегда будут отличаться. Это не наука, где важен приоритет и в самом достижении, и в сроках, когда совершено открытие.

Нет трагедии в том, что молодой автор на своем уровне делает работу, в чем-то сходную с тем, что делали до него. Гораздо хуже, когда человек не развивается в своем собственном творчестве, не прогрессирует, а повторяет свои ранние работы. Время движется, а более глубоких мыслей не возникает.

У меня есть одна серия, я ее нигде не показывал. Целый год это безумие со мной происходило. Камера была жестко закреплена на штативе, и я снимал с одной точки, каждый день, один и тот же вид из окна. От весны до весны. Дождь весной отличается от дождя осенью, ну и так далее... Вообще это интересный эксперимент, своего рода творческий акт. Когда я понял, что повторяюсь, остановил съемку. Это было много лет тому назад.

– В художественной фотографии важна личность автора, его мотивация. Но для одних это Автор, для других – так себе знакомый или вообще никто. Кто его оценит?

– Только история. Поэтому для нашего творческого объединения (ТО «Фотоискусство») важно добросовестно все архивировать. Чтобы кто-то не потерялся механически, чтобы не получилось так, что осталось в истории только посредственное, да и то лишь потому, что его авторы сами себя продвигали. А забытым окажется что-то другое. Рядом с классиками литературы всегда были

«другие». Но одних судьба вытасила на поверхность, а других нет.

Посредственность все равно, рано или поздно, почувствуется. Это сейчас можно произвести впечатление, сделав коллаж или напечатав фотографии большого размера. Как правило, это попытка компенсации чего-то другого. Но время пройдет, и вы никого этим форматом не обманете. Как в «Маленьком принце»: если «этим странным взрослым» сказать «красивый розовый дом с цветами на окне», это мало что значит, а если «дом за 100 тысяч франков» – уже отношение другое. Сегодня, когда человек видит, что у коллеги только печать стоит примерно столько, сколько составляет его двухнедельный бюджет,

это впечатляет. Но это ведь только сегодня.

– У вас есть такая мысль о цифровой фотографии, что ее авторы приближаются к плохим рисовальщикам в желании сделать «красиво». Как вы думаете, зачем показывать красоту, гармонию? Неужели люди все еще надеются этим что-то изменить?

– Надеются, хотя это невозможно. Но нередко мы имеем дело не столько с красотой, сколько с красотостью – желанием произвести впечатление на неискушенного зрителя. Красота и красотость – разные вещи. Красота может быть невзрачной, а красотость всегда яркая. Откуда это желание? Думаю, из области маркетинга, то есть вовсе не творчества, а работы на нашем совершенно несостоятельном рынке искусства.

Если бы фотографы, создающие эти нереально красивые изображения, овладели живописью, это было бы уместно. Правда, потребовало бы гораздо больше времени. С помощью кисти можно уйти предельно далеко от действительности. А при работе с фотоизображением вы ограничены исходным материалом, и уже не можете позволить себе ту же степень паранойи.

С помощью компьютера все делается быстро, но часто неубедительно. И самое главное, несправедливо помещать на афишах таких выставок слова «выставка фотографий».

– Что вы стали фотографировать, когда у вас появилась хорошая пленка, новые возможности?

– Вообще-то плохой техники не бывает. Но в начале 1990-х, с появлением пленки, способной «видеть» в запредельной инфракрасной области, сомнений, куда идти, у меня не возникало. Конечно, в Лошицкий парк. Там были сделаны самые важные работы. Все мне там было очень дорого.

Беседовала Любовь Гаврилюк

